

**ПАНФИЛОВА
ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА**

соучредитель
Бюро этических дилемм

(АНТИ)КОРРУПЦИЯ: ВПЕРЕД ИЛИ ОБРАТНО?

Тринадцать лет назад в России был принят федеральный закон о противодействии коррупции, впервые закрепивший правовое определение данного явления и установивший систему мер по предотвращению коррупции и преследованию за нее. Тринадцать лет — достаточный срок, чтобы сделать несколько предположений о том, почему наши отечественные антикоррупционные меры, вроде бы во многом списанные с требований всевозможных международных конвенций, то ли не заработали в полную силу, то ли не прижились, то ли вообще не могли заработать или вовсе отторгаются и смещаются куда-то на обочину приоритетов государства и общества.

Интересно, что и до 2008 года с коррупцией в стране как будто боролись. Однако коррупция как общественное явление не имела ни точного определения, ни ясной рамки того, что ею является, а что нет. Результаты самых разных исследований, данные опросов граждан показывают, что ясности с этим вопросом не возникло. Коррупцией одни считают взяточничество, другие — злоупотребление должностными полномочиями высших должностных лиц, третьи — nepотизм и фаворитизм, а четвертые — все это вместе взятое.

Кто-то из исследователей полагает, что коррупции станет меньше, если упорно применять законы, увеличивать их количество, выращивать новые специализированные антикоррупционные органы и наделять их все большими функциями. Другие считают, что стоит сконцентрироваться на антикоррупционном просвещении граждан, предпринимателей и чиновников. Третьи склонны думать, что некоторые формы коррупции в современном мире, как и столетия до того, в принципе невозможно устранить, поскольку они глубоко вплетены в ткань и традиции общественной жизни и взаимодействия между людьми, и поэтому фокус борьбы с коррупцией надо переместить на совершенствование и повышение качества

работы государственных институтов, что позволит снизить давление на общество так называемой административной коррупции.

В ситуации, когда мы имеем дело, — а это, увы, так, — с системной коррупцией, то есть с коррупцией, которая присутствует во всех стратах общества и проявления которой имеют регулярный характер, все эти исследователи отчасти правы. Но еще более правы граждане, которые в ходе социологических опросов ставят коррупцию отнюдь не на первое место среди волнующих их проблем. Коррупция почти всегда, как неудачливый олимпиец — с «деревянной медалью», — на четвертом-пятом месте. Куда больше людей волнуют бедность, качество жизни, безопасность, доступность продуктов и качественных государственных услуг.

Рискну предположить — актуальность этих проблем для граждан во многом и есть результат системности коррупции. Несмотря на существование законов, норм и требований, никуда не делась откаты при государственных закупках, никуда не делся некачественный кадровый отбор на государственные должности, предопределенный наличием личных связей, никуда не делось ведение дел не по закону, а «по понятиям». Суммы выявляемых правоохранителями взяток или накопленного коррупционного имущества, регулярно предъявляемого публике, поражают воображение. Но не столько нарастающим объемом, сколько тем, что нет конца этому потоку, и складывается ощущение, что все это лишь малая выявленная толика того, что уведено в частные коррумпируемые карманы, причем за счет удорожания товаров, которая привела к той самой бедности и неудовлетворяющему качеству жизни. Огромные же взятки там, где государственный человек поставлен, чтобы обеспечивать физическую безопасность людей, вообще создают ощущение, что алчности и аморальности нет предела.

Есть несколько факторов, в силу которых наша отечественная коррупция чувствует себя вполне неплохо, а антикоррупция, даже при наличии отдельных успехов, — наоборот.

Во-первых, как мне кажется, мы так и не разобрались с тем, что такое коррупция в наших, именно наших, российских условиях. Нет, речь не о каком-то особом «российском коррупционном менталитете», а о том, как в нынешней коррупции переплелись устоявшиеся практики бытовой коррупции, которые присутствовали веками и даже получили четкие отечественные имена «мздоимство» (взятка комфорта) и «лихоимство» (взятка выживания), с новыми формами коррупции, выросшими из новых же форм общественно-политических и экономических реалий, из нового институционального уклада. Нам не хватает честного и комплексного взгляда на российскую коррупцию, который, предположу, покажет нам нечто куда большее, чем то, что описано определением федерального закона.

Во-вторых, государство в лице его органов, отвечающих за противодействие коррупции, должно еще раз внимательно посмотреть на то, что написано самим этим государством в федеральном законе о противодействии коррупции — в той части, где речь идет о том, кто в России является акторами реализации антикоррупционной политики. И вернуть граждан и гражданские организации, организации бизнеса в процесс противодействия коррупции как равных партнеров. Не секрет, что за последние годы было сделано немало, чтобы вся деятельность по борьбе с коррупцией стала восприниматься в обществе как задача исключительно государства в лице в основном правоохранительных органов. Но в той части, где речь идет о предотвращении коррупции, об изменении понимания коррупции и отношения к ней, без равного партнерского участия граждан и их организаций не обойтись — ни одно государство пока само с этим не справилось, это исторический факт.

И, в-третьих, крайне важно как обществу, так и самому государству не допустить размывания повестки противодействия коррупции, не допустить «коррупционной реконкисты», особенно в части административной и верхушечной коррупции, не допустить разворота реализации мер по борьбе с коррупцией вспять. Необходимо делать все возможное, чтобы даже те относительно «юные» меры по пресечению и предотвращению коррупции, которые мы имеем сегодня, не выхолащивались, не превращались в пародию на самих себя. Вряд ли стоит искать какие-то особые подтверждения тезису о том, что коррупционер никогда добровольно не расстанется с источником своего незаконного обогащения и будет делать все, чтобы обойти все законы и все меры, направленные против такого обогащения. К сожалению, мы часто видим, что именно это и происходит. Если эта тенденция возобладает, то наша российская антикоррупционная политика рискует окончательно превратиться в декорацию, в очаг, нарисованный на холсте в каморке папы Карло. Если же и у общества, и у государства, и у бизнеса, и у отдельных граждан будет возможность добиваться исполнения того, что предписано законом, а самое главное — свободно и честно говорить о коррупции, называть черное — черным, системную коррупцию — системной, верхушечную политическую коррупцию — именно коррупцией, то с нашей главной задачей — снизить уровень коррупции до того порога, где она перестанет повседневно угрожать качеству жизни и безопасности граждан и национальной безопасности страны, мы пусть и не быстро, но, безусловно, справимся.